

Портрет с храмом на шее

Парадный теледебют обаятельного Церетели

Ольга КАБАНОВА

Импозантный телерепортер Кирилл Набутов представил миру в прошлую субботу один день из жизни скульптора Церетели Зураба Константиновича. Представил самым лучшим репортерским образом — минимум личного текста, много главного героя в естественном богатстве его повседневного бытия.

Нельзя сказать, чтобы до этой передачи самый знаменитый скульптор России на телеэкране не появлялся совсем. Люди, давно знающие художника-монументалиста в лицо, помнят, как еще во время долгих трансляций заседаний Съезда народных депутатов СССР операторы, минуя тогдашних звезд Алксниса, Собчака и Евдокию Гаер, подолгу останавливали камеру на немолодом, круглоголовом и всегда молчащем человеке, с перстнем на пальце и золотой цепью вокруг значительной шеи. Тогда еще приходилось пояснять домочадцам, что видят они Зураба Церетели, известного щедростью и умением дружить, в том числе и с телеоператорами.

Но в последний период, в разгар своей громкой всероссийской славы, Церетели появлялся на телеэкране нечасто. Говорил мало — он не слишком речист, особенно по-русски. Так что именно Набутову по праву принадлежит честь быть создателем первого обстоятельного телепортрета автора самых грандиозных монументов мира. Самого, как сам Набутов справедливо заметил, влиятельного, богатого, спорного и знаменитого на всем постсоветском пространстве скульптора. И самого плодovitого, добавлю от себя.

Церетелиевское богатство выглядит на телеэкране во всем своем устрашающем избыточностью великолепии: вот один особняк в центре столицы, вот другой, вот двор мастерской — бывшего немецкого посольства, — так же туго набитый скульптурой, как

шпротами консервная банка или памятниками Ваганьковское кладбище. Вот псарня — 14 собак, вот челядь, в том числе и благодарные работники Академии художеств СССР.

Церетели живет в Москве феодалом. Со своими замками, полными диковинок работы хозяина, со своим верным войском — грузинскими формовщиками и подмастерьями, со своими угодьями (правда, завод, где отливают его скульптуры, находится в Питере), со своими одалисками — камера нагло подсмотрела, как уютно расположилась на голой спинке хищной красотицы десница мастера. Церетели живет и дает жить другим. Чем это плохо, спрашивает он? Чем это плохо, спрашивает вслед за ним Набутов?

В сущности, Церетели исполняет функции Союза художников. Эта организация в советские годы получала от государства заказы на бронзовых Лениных, мемориальных солдат и сталеваров, писанных маслом, а на вырученные деньги устраивала быт и творчество своих членов. Зураб Церетели так же получает деньги за заказы, в том числе и муниципальные, кроме того, благодаря высшим связям и личной любви мэра города Москвы, получает финансирование на свои затеи, в том числе и на новый Московский музей современного искусства. Жизнь кипит. И прав Набутов, когда называет Церетели гениальным менеджером. Эх, бросить бы его на родное сельское хозяйство, знало бы оно только проблему перепроизводства.

А теперь перед Церетели стоит проблема перепроизводства скульптурного. Конница Георгиев Победоносцев, жертвы геноцида, огромное яблоко (в котором затерялись сам герой передачи, ее автор и оператор) с эротическими сценами (с возрастом многих творцов тянет на обнаженную откровенность), чудоточащий колокол, бюсты всех московских князей со дня основания первопрестольной, бесчисленные

модификации петров и колумбов — все это томится в застенках личного церетелиевского музея, в его мастерской, на питерском заводе. Всего этого пристроить не может даже гениальный менеджер. Все это было показано на телеэкране, как фрагмент фантастического фильма о несчастном будущем моего родного города.

Кирилла Набутова восхитило церетелиевское трудолюбие, он же отметил уникальные качества Церетели — никогда не сомневаться в достоинствах того, что он делает, и плевать на критиков. Набутов тоже сплюнул на критиков, повторив банальность — мол, об Эйфелевой башне тоже спорили, а ведь стоит. Но металлический символ Парижа был поставлен в городе временно, и только после того, как отстоялся, было принято решение оставить его на века. А могучий Петр возник на берегу реки Москвы почти тайно — гиганта уже монтировали, когда о нем прознала пресса. Именно случай с Петром заставил городскую думу разрабатывать закон о памятниках, который должен ограничить мэские полномочия в области увековечивания памяти бронзовыми истуканами.

Неправ Набутов и в другой банальности. В России любят считать деньги в чужом кармане, упрекнул он страну. Упрек в нашем случае не вполне корректен. Творения Церетели оплачиваются из муниципального бюджета, то есть в конечном счете из кармана рядовых и нерядовых налогоплательщиков. Никто, правда, у них не спрашивался, желают ли они меценатствовать Зурабу Константиновичу. Что же касается трудолюбия, то отсутствие рефлексии и контроля за своими действиями есть не доблесть, а психическая проблема. Ведь зависимость от еды, питья, сексуальных контактов и страсти к стихосложению лечат. Лечат и трудоголиков. Ведь всякое может случиться. Рассказал же Набутов, как однажды стол на празднике у Церетели рухнул от обилия яств.

Зураб Церетели — нет сил восхищаться